

ДИСКУССИЯ БЕЗ БОРЖОМ

**Валерий
ГАНИЧЕВ**

*Я всю жизнь
хотел, чтобы
Шолохов и
Леонов
встретились*

— Расскажите, пожалуйста, о вашей деятельности. Чем занимается ваш Союз писателей? И для чего он вообще нужен?

В. Г. На последнем съезде Союза писателей России в 1994 году была определена главная линия нашей деятельности: в условиях, когда государство вообще отказалось от поддержки творческих союзов, мы будем работать с местными писательскими организациями. И началась эта работа с того, что уже через три месяца после съезда мы провели пленум в Орле. И вот там мы решили, что нашей конкретной деятельностью должно быть возрождение литературного духовного единства в России. Позже пленумы Союза прошли в Якутии, в Омске и, наконец, последний в июне этого года прошел в Петербурге. Раньше господин Собчак нас не пускал туда. Но где теперь Собчак?! А губернатор Яковлев нас пригласил в северную столицу и предоставил для работы ни много ни мало сам Смольный. Пленум проходил под девизом «Россия, Санкт-Петербург — история, традиция, современность». И прошел он просто триумфально. Итак, если говорить коротко, основная задача современного Союза писателей — это сотрудничество русской литературы,

книжку выпущу или собрание в двух томах. А повезет — включат в группу, делегированную от СП в Парламент. Да, это было такое целиком дотационное министерство социалистического реализма. Всякие проработки, наказания шли своим чередом: в 30-х годах Ставский, ответсекретарь СП, прямо сдал Ежову великого поэта Мандельштама. Но был не только кнут, но и пряник. Тягу к нему чудно изобразил Булгаков — вспомните сцены в «Доме Грибоедова». Писатель в СССР считался богачом! Но теперь этими мотивами никто не вдохновляется. Более того, с гибелью СП СССР и с самим СССР, разграблено очень большое писательское достояние, составленное из писательских же гонимых отчислений. А это прежде всего дома творчества по всем берегам — теплых и не теплых морей. Миллиардные ценности! Но пока цела в этой капуте кочерыжка — желание общности. Культура не возникает в одиночестве. Это всегда круг, это — признание, оценка, общение. Литератора, чтобы он перестал быть таковым, нужно выслатить, изолировать, сделать его одиноком, как поступили с тем же Мандельштамом. Вот мы и стараемся не допустить разъединенности, распыленности. Все наше назначение сейчас — как руководства Союза — сохранить этот огонь в ночи и круг у костра.

Ю. Ч. Моя миссия, как вы догадываетесь, далека от прежней деятельности руководителя Союза писателей. Когда-то человек приходил в Союз с замыслами получить квартиру. Или, думает, встану-ка я в очередь в издательство,

— Говорят, Горький, создавая в 1934 единый СП СССР, выполнял правительственный заказ по тотальному подчинению всех писателей государственному и партийному контролю?

В. Г. Я не думаю, что Горький имел перед собой такую задачу. Но в то же время Горький был фигурой, которую использовали... А в создании единого СП преследовалось несколько целей. Во-первых, решались вопросы творческие. Объединение тех первых трехсот участников съезда в единый Союз давало им определенные преимущества в публикациях. Кроме этого решались и профессионально-материальные проблемы. Ну и, конечно, совершенно верно: за этим объединением стояла идея определенного контроля за литературой. В Союзе всегда был парторг, всегда был представитель КГБ. Современный же СП России никем не контролируется и сам никого не контролирует. Мы отчетливо обозначили себе, что не являемся политической организацией. И хотя нас все время пытаются заполучить в качестве союзника те или иные политические силы, мы остаемся вне политики.

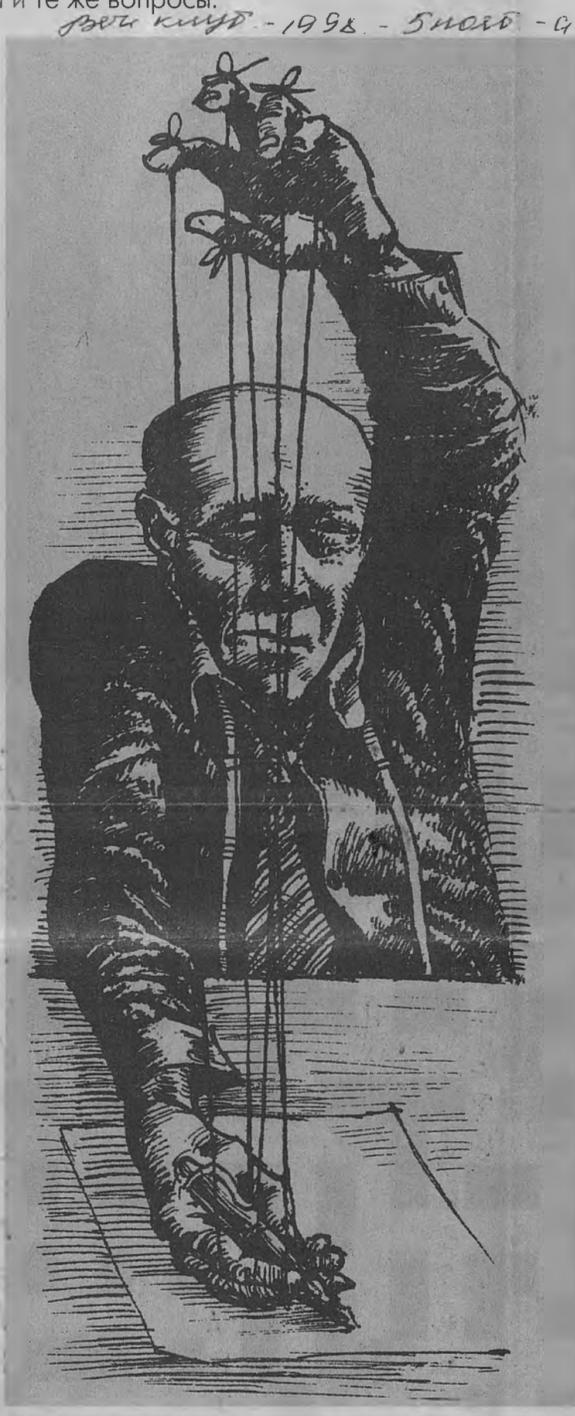
Ю. Ч. Создал СП СССР агитпроп ЦК партии. А итальянский затворник был знаковой фигурой. И само вымысливание

— В начале 90-х Союз писателей СССР распался на несколько союзов. Почему это произошло?

В. Г. Видите ли, на самом деле Союз писателей при всей видимой своей монолитности никогда не был однородным объединением. В нем всегда сосуществовали разные взгляды, непохожие мнения. Вот пример — Шолохов и Леонов. Два огромных писателя. И представьте, что они никогда друг с другом не встречались, разве мелком на официальных мероприятиях. Я всю жизнь хотел, чтобы эти два гиганта встретились. Но так мы и не смогли их свести вместе... Однажды мы уже были договорились, что они оба придут сюда, в СП РСФСР, но в последний момент Леонов вдруг переменяет решение: нет, я не пойду. И таких примеров можно привести множество. И тем не менее единый Союз был. Но это, особенно в последнее время, уже стоило руководству известных усилий. Георгий Мокеевич Марков, председатель нашего Союза — человек очень гибкий и дипломатичный — умел соединять разных людей, разные взгляды. Но в 1991 году,

на волне всеобщего распада, когда самое государство рушилось, некоторых писателей обуяла страсть самим порулить. Ну, раз уж кому-то так захотелось самостоятельности — пожалуйста. Никто вас в Союзе не держит. Уходите и образовывайте свои новые союзы.

Ю. Ч. Если точнее, не в начале 90-х это произошло, а в августе 1991 года. Сразу после подавления путча. Тогда часть советских писателей, бывших на стороне путчистов, дистанцировались от единого СП СССР и закрепились у себя на Комсомольском, 13. Они ожидали, что за участие в путче их могут «привлечь» и боялись, колебались. А московские литераторы, причем они составляли большую часть всех московских писателей, исповедывающие демократические убеждения, соединились в Союз писателей Москвы. Вот основной раскол. Он произошел в первую очередь по идеологическим, мировоззренческим соображениям.

— Как вы относитесь к своим идейным оппонентам? Я спрашиваю об альтернативном Союзе писателей.

В. Г. Я думаю, если решили ребята организовать свой Союз — ради бога! Но ведь в результате этого разделения писатели потеряли всю свою собственность. Утрачены дома творчества в большинстве союзных республик — в Пицунде, в Юрмале, в Ниде (Литва) и в других местах. А ведь построены эти дома творчества были на деньги единого Союза писателей СССР. И преимущественно на деньги российских писателей, потому что они составляли большинство в том Союзе. Кроме того, в результате этой внутрисоюзной неразберихи, выделены из Союза и сделаны самостоятельными организациями Центральный Дом литераторов, ресторан и буфеты ЦДЛ. Сегодня там находится так называемое МСПС (Международное Сообщество писательских союзов), которое возглавляет неизвестный Тимур Пулатов. Пусть будут какие угодно оппоненты, какие угодно альтернативные союзы, но все это не должно наносить ущерба писателям, лишать их собственности, делать их жизнь тяжелее. Они-то в чем виноваты? Это как по пословице: пань дерутся — у холопов чубы трещат. Когда-то шутили, что буфет ЦДЛ это второе, после письменного стола, рабочее место писателя. Но ведь и в самом деле, писателям надо где-то встречаться, общаться между собой, делиться своими мыслями и выслушивать мнения других. Это побуждало просто по профессии необходимо. Но теперь даже полупод-

валный буфет ЦДЛ, не говоря уже о его ресторане, стал для большинства писателей недоступной роскошью. Цены там вполне на уровне «приличных» московских заведений.

Ю. Ч. Я был бы законченным идиотом, если бы даже в мыслях допустил запрет на существование альтернативного Союза писателей. Но я не могу смириться с тем, что имущество прежнего единого Союза писателей сделало предметом личной наживы безродных хапуг. Евтушенко Евгений Александрович, уезжая на преподавательскую работу в США, оставил нам приехавшего из Ташкента, плохого знакомого Москва сочинителя Тимура Пулатова и сказал, что это очень здорово, если в новом Союзе будет человек неизвестный, «ничей», человек ниоткуда. Он будет хозяйствовать, сказал Евгений Александрович. И он действительно принялся энергично «хозяйствовать». Помните Фому Опискаина у Достоевского? Из «Села Степанчиково»? Никто, ниоткуда, а приехал и поработил всех. Пулатов оказался этим самым Фомой. Он сумел быстро и мастерски оставить наш Союз писателей Москвы без крова и без имущества. Богатейший «дом Ростовых» он теперь тайно и на основе «черного нала» сдает неведомым структурам — так пинут уже даже в газетах. Многие тысячи квадратных метров. Что, как вы понимаете, приносит неплохие доходы держателю метража. Само собою — в дол-

ларах. А мы оказались совершенно неподготовленными к хватательной деятельности. Государство не оградило нас от грабежа, хотя администрация президента знает все. И пора бы нам и в адрес Союза писателей России сказать: коллеги, что мы с вами за лопухи такие? Дом в центре Москвы, историческая, духовная ценность, в руках совершенно непо-

— Многие писатели теперь испытывают крайнюю нужду. Что можно для них сделать? Я слышал, что в Думе уже давно лежит какой-то пакет документов, предусматривающих некоторые льготы для писателей.

В. Г. Это «Закон о творческих организациях». Он прошел уже два чтения. Больших противников у этого закона нет. И, конечно, если бы он был принят, то он бы значительно облегчил жизнь писателей. И прежде всего юридических. Конечно, так, как было раньше, когда писатель за любую изданную книгу получал большой гонорар, так уже не будет. Я был в Америке в 70-е годы еще и беседовал на эту тему с Уорреном. И он ответил, что у них на гонорары живет едва ли десяток писателей. Речь, конечно, не идет о всяких триллеристах и т. п. У нас же на гонорары тогда жило несколько тысяч человек. Теперь же все переменялось. А следовательно, и писателям нужно менять свое отношение к действительности. Теперь писателю, помимо писательской деятельности, придется еще и где-нибудь служить, подрабатывать. Ничего страшного — одно время и Пушкин служил. И Тютчев служил. А сколько замечательных наших писателей были редакторами журналов — Некрасов, Достоевский... Это надо осознать. Да, мы недавно еще жили при одних условиях, но теперь живем при совершенно других. И нужно уметь, нужно научиться в этих условиях жить. Но должен заметить, что в российской провинции, в некоторых областях, местные власти учредили для своих писателей стипендии. Первым это сделал Егор Строев в Орле. К сожалению, в Москве этого пока нет.

Ю. Ч. О писательских нуждах я вот что скажу. В свое время император Николай Первый (он же Палкин) оплачивал долги Пушкина, содержал на пансионе Гоголя. Он понимал роль и значение литературы. Да, сослал в Чечню Лермонтова, послал на эшафот Достоевского, цензуру чужую ввел, но — итог, итог?! Царь оставил после себя великую русскую литературу. А Сталин? Он читал буквально все выходящее в Москве, контроль его был жесток, более полутьсячи писателей сгинуло в лагерях, но... Сталин мог позвонить домой и Бул-

**Юрий
ЧЕРНИЧЕНКО**

*Ельцин не
только не помог
писателям —
он отвернулся
от них*

нятно кого. Кого они, этот МСПС, представляют? Что же мы с вами терпим? С чем миримся, господа-товарищи? Вот на такой почве возможны и нужны совместные дискуссии и сидения за столом с «боржомом». В данном случае нет никаких раздоров, а есть только общие чувства обворованных и общая оскорбленность.

какову, и Пастернаку. Это понимание ценности и влияния художественной элиты! Вот что было всегда присуще сильной российской власти. Это все я говорю в укор времени, с которым мы сейчас прощаемся. Когда мы подняли на вершину власти танк, на котором стоял Ельцин, мы, естественно, были идеалистами, были бескорыстными на все сто процентов. Мы, как могли, старались внушить всем этим бурбулисам, всей этой промелькнувшей, как в ускоренной съемке, кавалькаде чинуш и хватугаев роль и значение литературы. Но не в коня корм. Ельцин не только не помог писателям — он отвернулся от них. Нам не удалось внедрить в сознание властей идею, что без внимания к самому ценному, что есть в народе, режим — любой режим — обречен на крах. Мы пытались внушить, что в данной ситуации самое ценное в государстве, его золотой фонд, не Березовский-Гусинский-Смоленский, а Окуджава, Искандер и Ахмадулина. Я говорю обо всем этом в прошедшем времени, потому что наступил уже слом, финал данного режима. Это очевидно. Вместо него будет что-то новое. Условно говоря, это будет Юрий Лужков. Или Лебедь? Или Зюганов? К кому из перечисленных мы снова придем и скажем о тяжелейшем положении литераторов? О том, что за это семилетие нет более ограбленной, понесшей наибольшие потери категории, чем люди литературы и искусства. Среди них много людей преклонного возраста. Они не могут пойти разгружать вагоны или ремонтировать квартиры. Если вы хотите спасти российскую словесность, а с нею и самое духовное на свете Российское государство, то будьте добры дать возможность писателям издаваться, жить на гонорар. Верните писателям их имущество! Не тарипищевым привилегиям давайте в виде безалоговой водки и т. п., а попробуйте как-то поддержать культуру. Иначе и новый режим будет обречен на такое же убогое одиночество, какое преследует теперь Ельцина.

— Как ваш Союз относится к новым веяниям в литературе, к модернизму? К Пелевину, например, и к другим подобным явлениям?

В. Г. Традиция модернизма, а точнее постмодернизма, в нашей литературе богата и разнообразна. К этой традиции можно отнести творчество Каменского, Артема Веселого, раннего Платонова и других. Все решает талант писателя. СП — это, собственно, творческая мастерская, в которой могут быть представлены все направления. Другое дело, что мы ревностно относимся к содержанию произведений, к их художественному качеству. Я думаю, что к Пелевину в связи с этим вопросы у нас все-таки возникли бы. И в содержательном, и в моральном аспекте, и по художественному уровню

— это все-таки не высокая литература.

Ю. Ч. Я профессиональный читатель. Прежде всего читатель. С большим интересом, как бы подглядывая в новую комнату, прочитал я Виктор Пелевина, его «Чапева и Пустоту». Грешен, вообще люблю пряную прозу, поклонник Михаила Кураева, поныне «тащусь» от азартной чертовщины Михаила Булгакова. Считаю самой модернизмовской прозой «Тамань» и «Княжну Мэри». Никому свой вкус не навязываю. Большая река в дельте своей всегда разветвляется на много протоков. И все-таки остается одно судорожное главное русло.

— Назовите, пожалуйста, яркие, громкие писательские имена, представленные в вашем Союзе.

В. Г. Из ныне живущих это Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Крупин, Юрий Кузнецов, Владимир Бондаренко, Вадим Кожин, Станислав Кунаев, Дмитрий Балашов, молодые писатели — Юрий Козлов, Александр Семенов, Сергей Алексеев и другие.

Ю. Ч. Пока у нас в Союзе — это очень высокая организация. Пока у нас есть Григорий Бакланов — это организация благородная и храбрая. Пока у нас есть Белла Ахмадулина, наш Союз остается структурой, которой Россия все еще может гордиться.